

Виктория Токарева

Дома стоят дольше,
чем люди

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Самойловна Токарева

Дома стоят дольше, чем люди (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25153779

*Дома стоят дольше, чем люди : Повести, рассказы и очерки: Азбука,
Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-389-13632-8*

Аннотация

«Иногда я думаю: что составляет мое счастье? Дети, профессия, дом... Трудно вычленишь, что важнее. Иногда кажется, на первом месте профессия. Я всю жизнь занималась тем, что мне нравится.

Но дети – это мое продолжение. Они понесут в будущее мой смех, мою трусость, мой разрез глаз. Как же без детей? Хочется любить что-то живое и теплое, целовать в мордочку, касаться губами».

В. Токарева

Содержание

Времена года	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктория Токарева

Дома стоят дольше, чем люди (сборник)

© Токарева В. С., 2017

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Времена года

повесть

Ее звали Анна Андреевна, как Ахматову. В молодости она называлась Анюта, в зрелости Аннушка, а в третьем возрасте стала Анна Андреевна.

Анна Андреевна всегда выглядела моложе своих лет, что свойственно блондинкам. Очень долго, практически всегда, нравилась мужчинам – всем и всяким, без исключения, что тоже свойственно блондинкам.

Первый ее мальчик был курсант в морской форме. Мечта, а не мальчик. Звали Гелий. Редкое имя, даже не имя, а элемент таблицы Менделеева. Познакомились в поезде. Анюта возвращалась домой после летних каникул. Ей было пятнадцать лет. Это – начало. Дальше покатило: шестнадцать, семнадцать, а в восемнадцать она уже вышла замуж. Не за Гелия. За Димку, студента медицинского института. Димка похож на испанца – красавец, но дурак.

Анюта довольно быстро распознала, что он дурак, но было поздно. Уже все завертелось: свадьба, загс, гости, – пригласили его родителей из Киева. Приехала пара: Роза и Лева. Роза – настоящая еврейская красавица сорока пяти лет. Зеленые глаза вполлица, нарядная, сверкающая, как новогодняя елка. При этом – умная. Сдержанная, что странно. При

такой красоте она могла распоясаться и позволить себе все, что угодно. И все бы сошло. Но нет. Спокойная, воспитанная, как английская леди.

Анюта жила с мамой и сестрой. Папа умер от ран, полученных на войне. «Мы не от старости умрем, – от старых ран умрем». Мама без образования. Денег – никаких. А тут свадьба. Стол накрыт, на столе – винегрет и треска в томате. Всё.

Роза и Лева в расходах не участвовали. Они вообще жили в другом городе и приехали непосредственно на свадьбу.

Увидели гостей, стол. Нависла пауза. После молчания Лева произнес:

– Какое счастье, что мы не позвали с собой Гуревичей.

А Роза грустно заключила:

– Нет денег.

И это правда. Только любовь. Димка любил Анюту самоабвенно, до потери себя. А молодой жене все время что-то не нравилось. Впереди ее ждала совершенно другая жизнь, мощная карьера, движение вперед и ввысь, и вот эта другая жизнь подавала сигналы издали, тянула в другую реальность.

Анюта и Димка разошлись в конце концов. Но не сразу. Прожили год. Съездили в Киев в гости к родителям, Лева и Розе.

Лева был маленького роста и некрасивый. Но пел как Уте-

сов. Один в один. Он работал в комиссионном магазине, делал свой тихий бизнес. Внешний статус не имел значения. Главное – внутренняя жизнь семьи. А в семье – бескрайняя любовь и служение друг другу.

Ходили по гостям. Один из принимающих, его звали Зяма, угощал куриной шейкой. Анюте не понравилось: шейка, набитая мукой, пропитанная куриным жиром. Что за радость? Но шейка – еврейский деликатес.

Анюта обратила внимание: еврейская кухня берет свои истоки из нищеты. Форшмак – рубленая сельдь. Что может быть дешевле? Цимес – тушеная морковь. Нищета, доведенная до совершенства. Фаршированная рыба – сложнопоставочное блюдо, на него уходит не менее шести часов. Но результат... Но запах...

Запомнилась некая Рахиль. Ее муж сидел в тюрьме. Муж работал на овощной базе и с кем-то не поделился. И сел на пять лет. Рахиль стеснялась этого обстоятельства, жила при задернутых занавесках. Может быть, таким образом она пыталась разделить участь своего мужа. Так немцы в Берлине держали пост, когда армия Паулюса попала в Сталинградский котел. Солидарность.

Роза и Лева навещали Рахиль, возможно, поддерживали деньгами.

Анюта запомнила: они сидели тихо, за скудным столом, как заговорщики. Взаимоподдержка входит в религию. У евреев никто не бывает брошен на произвол судьбы.

Димка любил родителей страстно. А родители обожали своего сына и не понимали: что в нем может не нравиться? Красивый, преданный, что еще надо? Но Аняте он был не интересен. Скучный человек. Красивый, преданный и скучный, как равносторонний треугольник, у которого все стороны равны и углы тоже равны.

Они развелись. Это оказалось непросто. Души успели объединиться в одну, и раздирать общую душу на две части было больно. Анята несколько раз падала в обморок. Это организм протестовал против развода, против разделения судеб. Но сигналы из будущего звали, даже требовали.

Если бы покорилась обстоятельствам, осталась с Димкой, что бы ее ждало? Красивые дети, Димкины измены, ее романы, умеренное благосостояние: каракулевая шуба, бриллиантовое кольцо, телефонные разборки с его любовницами.

Хорошо? Не плохо, но бессмысленно. Никакого движения вперед и ввысь. Болото. «Тепло и сыро», как говорил Горький.

Анята мечтала стать актрисой, сниматься в кино. Зачем? Тиражировать свой светлый образ. Пусть все увидят и отреагируют. Мужчины восхитятся и возжелают, а женщины позавидуют и станут подражать.

В те годы все подражали Лолите Торрес. Стриглись как она, прическа называлась «венчик мира».

Прошло тридцать лет, Лолиту Торрес показали в ее новом

облике – толстая бабища, ничего от нее не осталось. Но... Она все успела. Главное – вовремя вскочить в свой вагон. Не пропустить и не опоздать.

Сняться в кино – это возможность заполучить аудиторию, охватить как можно больше народа.

Анюта протырилась на киностудию документальных фильмов и даже участвовала в кинопробе. Ей надо было изобразить подругу солдата-пограничника. Анюта изображала преданность изо всех сил, тарачила и без того круглые глаза, но взяли не ее, а профессиональную актрису. Тем не менее режиссер этого опуса увязался проводить Анюту до дома.

В подъезде он был настроен целоваться. Старый протухший татарин с бледным, каким-то зеленым лицом, увядшими губами. Отврат. Но Анюта знала, что искусство требует жертв, и объявила: если режиссер возьмет ее сниматься, то она отдаст ему себя. Одноразово. Режиссер построил благородную рожу, дескать, ну что вы, что вы, зачем такие дорогие подарки?

Отдаваться не пришлось, поскольку Анюту не утвердил худсовет. Взяли другую. И слава богу. Фильм про пограничников – это не «Возраст любви» с Лолитой Торрес. Никто бы и не заметил. А отдаваться пришлось бы, зажмурив глаза и зажав нос.

Следующий шаг: прослушивание в театральном институте.

Анюта пришла и стала читать монолог Шурочки из «Поединка» Куприна. Анюте очень нравилась эта героиня, которая шла на все ради достижения своей цели.

Анюта надела на голову шапку из рыси и не сняла ее во время прослушивания. Очень красивая шапка. Анюта была похожа в ней на шамана, только бубна не хватало.

Приемная комиссия отвергла Анюту. В комиссии было много женщин. Наверное, позавидовали шапке.

Так или иначе, пришлось поступать в медицинский институт. Там образовался какой-то блат, и Анюта прошла со скрипом.

Мама Анюты решила отблагодарить женщину, которая способствовала поступлению, и пригласила ее отобедать. Анюта почему-то запомнила: немолодая, предельно некрасивая тетка сидит за столом и ест торт наполеон, испеченный мамой. Тонкие коржи прослоены заварным кремом. Трудоемкий и очень вкусный торт. Коржи крошатся тетке на грудь.

Бедная мама. Как трудно ей было одной тянуть двух девочек. А с другой стороны – это и было наполнением ее жизни. Наполнением и смыслом.

Старшая сестра Ксения была откровенно некрасива, ленива и неповоротлива. Анюта забрала, вычерпала всю красоту рода на несколько поколений вперед. Ксения завидовала и страдала, но при этом любила сестру нежно и преданно. Такой человек Ксения. Умела совместить в душе прямо противоположные чувства: зависть и любовь.

Главная красота Анюты заключалась в параметрах: ничего лишнего. Изысканная линия шеи и спины, линия талии и бедра. Каждому, кто смотрел, хотелось положить руку на ее высокую шею, обнять изгиб талии. Анята манила. При этом некрашенная блондинка. Она забирала волосы в узел – так удобнее. Но когда надо было, вытаскивала заколку, и тяжелый водопад волос падал на плечи.

Крашенные волосы имеют единый оттенок. Однородная масса. А некрашенные волосы многоцветны. Верхний слой – платина, далее в глубине – орех фундук. Волосы переливаются, в них хочется запустить руку. И запускали. Анята реагировала по-разному: смотря кто запускал и какую цель преследовал.

На первом курсе в нее влюбились три студента и три преподавателя, в том числе молодой профессор. Профессор был вполне гениальный, но игрок. Проигрывал все деньги, как Достоевский. Однако за ним охотились и студентки, и преподавательский состав. Гениальность – серьезный козырь. Гениальность манит, как запах крови манит акул. Они все устремляются на этот сигнал и сжирают жертву, растаскивают на куски.

Профессора звали Юрий Вениаминович. Юра. У профессора была семья: папа, мама, жена и маленький сын. А также сестра, брат и куча племянников. Анята стала его аспиранткой.

Анята оказалась способной, хотя могла быть любой.

Юрий смотрел на нее не отрываясь, а что она говорит – не все ли равно?

Менять свою жизнь Юрий не собирался, да ему бы и не дали, семья бы не выпустила, но это не значило, что он не мог влюбиться.

Юрий был молодой, в расцвете сил. Его порок, игромания, – большое неудобство для семьи. Сколько бы денег ни приходило в семейный бюджет, все проигрывалось. Или почти все. Но... Рулетка крутится, нервы сжимаются в кулак, кровь горит, адреналинчик хлещет – жизнь! При этом Юрий был гениальный кардиохирург. Спасал людей одного за другим, а разве это не искупает его порока? Он проигрывает деньги, всего лишь бумагу, а выигрывает целую жизнь. Анята понимала: сколь тяжелые недостатки, столь тяжелые достоинства.

Больше всего на свете профессор любил своего десятилетнего сына, потом медицину, потом рулетку, потом себя, а уже на пятом месте он любил Анюту.

Когда он первый раз обнял ее, увидел небо в алмазах и сошел с ума. На какое-то время все отошло на задний план: семья, медицина, собственная персона. Осталась только страсть и лицо Анюты, ее тепло и ее запах. Он постоянно стремился быть рядом с Анютой, а когда кто-то приближался слишком близко, Юрий выставлял руку, чтобы этот кто-то не прикоснулся к ней физически, даже случайно.

Юрий боялся потерять Анюту и пообещал жениться на

ней после защиты ее диссертации. Это обещание – как скибка сена перед мордой осла. Скибка сена все отодвигалась, и осел шел вперед, перебирая ногами.

Сначала была кандидатская диссертация. Потом докторская. Юрий Вениаминович активно двигал ее карьеру, – это была плата за двойную жизнь, за его нерешительность, которая уже переходила в непорядочность.

Положение любовницы неуважаемо и уязвимо. Прелюбодеяние – это грех, его надо скрывать. А сладкая парочка ничего не скрывала, крутила роман у всех на голове. Это был вызов обществу. И продвижение Анюты по карьерной лестнице – тоже вызов.

Анюта тем не менее принимала такую плату. Но в какой-то момент его помощь перестала быть необходимой. Анюта сама нащупала свою дорогу и пошла по ней, поднимаясь и карабкаясь, как альпинист.

Профессор не прятал Анюту и свои с ней отношения. Они везде появлялись вместе. Вместе ездили отдыхать. Так тянулось из года в год.

Картина вырисовывалась ясная: профессор будет тянуть эту резину до тех пор, пока Анюте не надоест. А когда надоест, когда она плюнет и уйдет, ее место займет другая. Их, других, накопилась целая очередь.

Все это видели, кроме Анюты. «Ведь от любви беды не ждешь», как пел Окуджава. Анюта любила профессора, и доверяла ему безмерно, и не предполагала в нем коварства.

Однажды вся эта драматургия закончилась. Появилась новая аспирантка, рыжая как Суламифь.

Юрий Вениаминович бросил Анюту, стряхнул как варежку. И опять же у прохожих на виду. У Анюты было чувство, что ее поставили голую на всеобщее обозрение. Люди ходили кругами и рассматривали ее наготу: что у нее, где и как. И хихикали в кулак. И заступиться некому. Мать и сестра – что они могут? Страдать от семейного унижения, и больше ничего. А кто виноват? Сама и виновата. Зачем так долго верила?

Анюта умерла на неопределенное время, при этом продолжала ходить на работу. Она устроилась в закрытую больницу, объединенную с поликлиникой. Работала в стационаре и на приеме больных.

Медицинский мир тесен. Все всех знают.

Однажды Анюта заметила, как на нее смотрит терапевт Любовь Павловна – молча, внимательно, не отводя глаз. В ее взгляде читался вопрос: как ты? Как вылезает из своей могилы? Как это вообще бывает? Выжила или умерла?

Анюта и сама не знала: выжила она или умерла? Требовалось время.

Анюта с головой ушла в работу. Кардиология стремительно развивалась. Еще совсем недавно люди пачками умирали от инфаркта. А сейчас можно было вскрыть грудину, пустить кровоток в обход и работать на открытом, молчащем сердце: менять клапан, обходить забитые сосуды. Дальше – больше.

Стали оперировать на работающем сердце. Это важно. Остановленное сердце не всегда удавалось запустить. Риск. А теперь сердце не прерывает своей работы. Дальше – еще больше: изобрели стенты, которые армировали сосуды. Никакой операции. И все-таки стенты – не праздник. Со временем на них наматывается холестерин. Надо менять.

Анюта научилась подбирать лечение таким образом, чтобы избежать любого вмешательства. Правильно подобранная лекарственная терапия охраняла сосуды, обеспечивала доступ крови.

Человек – это биологическая машина, которую надо знать, понимать и чувствовать. Интуиция – главная составляющая хорошего врача. Марк Твен говорил: «Какой бы человек ни был – хорош или плох, или ни то ни се, все-таки он тварь Господня и на нем воля Божия». Вот эту волю Божию надо было угадать. И Анюта угадывала.

Когда человек входил в ее кабинет, она по походке, по цвету лица, по энергетике угадывала состояние его мотора, его волю к жизни либо отсутствие таковой.

Анюта вошла в моду как лучший диагност. К ней было не пробиться.

Успех бывает не только у артистов, у врачей тоже имеет место большой успех, который сопровождается материальным успехом.

Юрию Вениаминовичу уже можно было сказать: «Пошел прочь, болван» (Чехов).

Он и пошел, но не сразу. Постепенно. Кривая его жизни, как электрокардиограмма, резко устремилась вниз. А почему? Потому что он перестал играть. Он уже проиграл все, что мог. Дальше оставалось только ограбить банк. А это не просто. Это надо уметь.

Его глаза потухли. Жить стало неинтересно. И возле него тоже неинтересно. Исчезло то волшебство, которое Юрий распространял вокруг себя. И его скибка сена завяла и засохла и уже никому не была нужна.

Рыжая Суламифь крутила параллельные романы. Это было заметно и вопиюще, и унижало и без того опущенного Юрия Вениаминовича. При всем при том законная жена оставалась на законном месте, семья имела прежний рисунок.

Однажды Анюта встретила его в стационаре. Видимо, вызвали на консилиум. Ее сердце сделало кульбит, как цирковой артист под куполом. Все-таки она его любила. Привыкла любить. Захотелось сказать ему что-то ободряющее.

– Ты чувствуешь, что ты – гений? – польстила Анюта.

– Нет, – спокойно ответил профессор. – Но когда я смотрю, как работают другие врачи, я понимаю, что я – хороший врач.

Анюта внутренне согласилась. Вокруг нее в медицине было столько халтуры, недопустимого равнодушия, элементарной безграмотности, что, глядя на это серое поле, Анюта осознавала: она – хороший врач. И Юрий Вениаминович врач

милостию Божией. Анюта захотела притянуть его лицо к себе и поцеловать в брови. Но это не страсть, как прежде, а прощание с покойником.

Она пришла в свой кабинет и стала плакать. Анюта думала: он сильный, а на самом деле он – слабый. И не надо было ему подчиняться. Надо было его подчинять. А еще лучше – никогда не встречать. Это был плохой и бесполезный опыт: разбитые надежды, утраченные иллюзии, прилюдное унижение. При всем при том Анюта точно знала: этот человек – ее судьба. Ее судьба, которая досталась не ей.

Всевышний не бывает абсолютно жесток. Отбирая, он предлагает что-то взамен.

В один прекрасный, а может, и не прекрасный день Анюта ехала в метро. Напротив нее сидел мужик с умными глазами и смотрел на Анюту не отрываясь. Как терапевт Любовь Павловна. Но в его глазах не было глумливой наблюдательности. В его глазах стояла Судьба.

Анюта поднялась и вышла на нужной остановке. И мужик вышел следом. Анюта села в троллейбус, и мужик сел в этот же троллейбус.

Анюта сошла где надо и направилась к своему дому. Не оборачиваясь, она слышала, что человек идет следом, буквально преследует. А вдруг маньяк? А вдруг хочет снять шубу? Перед своим подъездом Анюта оглянулась и спросила:
– Вы куда?

– Домой, – ответил человек. – Я здесь живу.

Он жил в соседнем подъезде, они никогда не встречались. А может, и встречались, но внутри каждого из них стояла другая программа. Однако судьба, как говорится, она и за печкой найдет.

Через три месяца Анюта вышла замуж за своего соседа. А чего ждать? Надо успеть родить. И родила. Мальчика.

Боже, какое это счастье! Она навсегда, на всю жизнь запомнила ребенка, сидящего на ее руке с прямой спиночкой. Сидит ровненько и не отрываясь смотрит в Анютино лицо своими большими, как блюдца, прозрачными глазами.

Какая жаркая и всеобъемлющая эта материнская любовь. Никакого сравнения с другими любовью. Там – страсть, а тут – нежность. Страсть – это физиология, а нежность – от Бога.

Мальчика назвали Яков. Муж так захотел. Получилось Яков Семенович Тучкевич. Неплохо.

Мужа звали Семен, сокращенно Сема. Но за ним еще со студенческих времен закрепилось прозвище Тучка, производное от фамилии. И уже никто не помнил настоящего имени. Тучка – и все.

У Семена было одно неудобное качество: взрывной. Когда начинал орать, не мог остановиться, хоть бери да затыкай ему рот кухонным полотенцем.

Но было и хорошее: мужская нежность. Он так умел лю-

бить... Возле него так сладко было засыпать и спать всю ночь. Накрывал глубокий покой и уверенность в завтрашнем дне, и больше ничего не надо. Сема спал, развалившись на обе сдвинутые кровати. Аняте оставался маленький островок, но она удобно размещалась, ей хватало места. Казалось, что спит у медведя под мышкой, – так тепло и ничего не страшно. Медведь защитит, разорвет всех обидчиков на части или распугает своим криком.

Анята, случалось, тосковала по своему профессору, но это была тоска по инерции. Ее судьба давно уже катила по другим рельсам и в другую сторону.

Тучка – технарь, закончил Институт стали и сплавов. Что он там сплавлял – какая разница? Он куда-то уходил, где-то работал, Анята не вдавалась в подробности. У нее свои маршруты.

Наступила перестройка. Частные клиники выросли как грибы после дождя, но Анята их обходила. В этих частных клиниках половина врачей с купленными дипломами.

Анята ездила по городам и весям, читала лекции, консультировала. Зарабатывала. Она уже давно перестала считать деньги и никогда не знала, сколько у нее в кошельке. Покупала все, на что падал ее взгляд. Понравилось – и в продуктовую тележку, независимо от цены.

Перестройка перестроила и Семена. Его потянуло в строительный бизнес. Ему это нравилось. У него получалось. Ви-

димом, строительство было его истинным призванием. И в самом деле: архитектор начертил дом, снабженец привез материалы, бригада засучила рукава и – вперед, к сияющим вершинам. Через год дом стоит. Именно такой, как на чертеже. И даже лучше. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Расстояние от замысла до воплощения – год. А в инженерном деле замысел не предполагает скорого воплощения. Стоишь за кульманом, чертишь, а что чертишь? кому? зачем?

Первую строительную бригаду Тучка собрал из хохлов. Оказались ленивые и вороватые. Разбавил армянами. Оказались хитрые и вороватые. Привлек таджиков. Тупые. Не знают языка. Не понимают или делают вид, что не понимают. Русские – пьют. Нет мира под оливами. И все же во всех национальностях попадаются настоящие рабочие – рукастые, ответственные, любящие свое дело. Тучка отбирал таких специалистов поштучно и в конце концов сколотил бригаду, которой доверял полностью. Бригада состояла из виртуозов, как оркестр Спивакова. Каждый – незаменим.

Работали под музыку. Приносили японский транзистор, врубали «Наутилус Помпилиус» или Высоцкого и пускались в трудовой день, как в плавание. Наблюдать за ними было очень интересно. Хотелось сидеть и смотреть. Чужой красивый труд завораживал.

Тучка был счастлив как никогда прежде. Он вообще любил жизнь: хорошую еду, хороший секс, осмысленный труд,

хорошие деньги – не большие, а именно хорошие, заработанные честным красивым трудом. Ну и большие деньги он тоже любил, само собой.

Тучка стал получать выгодные заказы. Делал хороший откат. Все были довольны, – и заказчики и исполнители.

Семен оказался ловким, результативным бизнесменом. Стал вращаться в нужных кругах, а именно: успешные политики и успешные воры в законе. Это было время сращения власти с криминалом. Гуляй, рванина, от рубля и выше.

Анюта прекрасно вписывалась в новое сообщество. Она была умная и привлекательная. А что еще надо? Анюта хорошо разбиралась в людях, поскольку через нее проходили целые колонны обреченных людей, между жизнью и смертью. Анюта протягивала им руку помощи. И спасала. И они плакали от благодарности и преданности.

Анюта безошибочно подсказывала Семе: с кем стоит иметь дело, а кого избегать.

Мальчик Яша рос, и Анюте было жаль, что он растет и меняется. Хотелось, чтобы навсегда остался маленьким. Но Яша не остался маленьким. Он вырос и достиг призывного возраста. От армии пришлось откупаться. Тогда все имело свою цену. Пользуясь связями, Сема отправил сына в Америку по обмену. Была такая мода: американцев – к нам, а наших – к ним.

Яша вначале скучал на чужбине, жаловался, ныл, а потом

привык. Влюбился. И женился в конце концов на девушке с именем Шерилин. Анята ходила и повторяла: «Шерилин, Шерилин». Имя щекотало язык. Анята рассматривала фотографию своей невестки. В ней не было ничего сексуального: коровий взгляд, скучные одежды, открытый лоб, как у вдовы. Да, у Семена вкус получше, чем у Якова.

Анята надеялась: может быть, невестка временная. Первая попытка. А дальше будет вторая – более удачная. Но дальше Шерилин забеременела и родила девочку. Назвали Дженна. Анята вздохнула. Никакой любви к новым родственникам она не испытывала. Да и какая любовь, если никогда не видела живьем и вся жизнь врозь.

Если бы Анята вела праздный образ жизни, если бы ей нечего было делать, то присутствие родственников необходимо. Близкие люди делают тебя звеном в общей цепи, без которого цепь развалится. Но Анята была занята по горло. Врач занят не только в течение рабочего дня, многие лечатся по телефону. Телефон звонит беспрерывно, будто замкнуло контакты. Вопросы, вопросы, уточнения: во сколько принимать таблетки, в какой последовательности, чем запивать, можно ли совмещать с мочегонным, не выводится ли калий из организма и так далее и тому подобное. Все стали образованные, не хотят лечиться вслепую.

В восемь часов вечера Анята отключала телефон и усаживалась перед телевизором. Смотрела два канала: «Культура» и «Совершенно секретно». С возрастом ее больше инте-

ресовали документальные ленты. Сериалы про любовь смотреть не хотелось. То, что придумала жизнь, гораздо интереснее убогих человеческих вымыслов.

Старость подошла на мягких лапах неслышно и незаметно. Анята не сразу поняла, что это старость. Ее просто накрыло одеялом равнодушия. Все стало неинтересно.

Пациенты приглашали в театр на премьеры. Ехать в пробках, потом сидеть два часа на спектакле в жестком кресле, болит спина. Герой на сцене не может разобраться: любит – не любит, плюнет – поцелует. Вся эта любовь – не что иное, как приманка природы. Природе нужно продолжение рода. Новый человек. Беременей и рожай. Все просто. Но человек пригласил литературу, музыку, живопись, все виды искусства, чтобы приукрасить приманку. Сколько хлопот вокруг такого простого дела, как совокупление. Надо учиться у кошек и собак. Никаких проблем. Никаких тебе серенад под окнами. Все быстро и на тему.

У Аняты сохранились подруги с молодых лет. Отношения не старели. Все то же самое, что в молодости: зависть, соперничество, разборки, кто что сказал? Со стороны послушать – девятиклассницы. А посмотреть – старые дуры, уставшие дети.

С возрастом у Аняты высыпались волосы на макушке, приходилось следить за лысиной. Появился загривок. Отку-

да взялся? Гормональное нарушение.

Линии сгладились: шея – короче, талия – шире. Но неизменной осталась профессиональная память. Мозги работали остро, как прежде. Никакого Паркинсона, никакого Альцгеймера. И осталось стремление наряжаться. Все самое модное, самое дорогое и современное.

У Анны Андреевны всегда был превосходный вкус, и, когда она появлялась на людях, никому не приходило в голову: бабка. Нет. Дама, остроумная, веселая, злая. Но при этом добрая.

Тучка практически не изменился. Слегка отощал. Дел по горло. Без дела он не мог ни минуты.

К пенсионному возрасту Тучка подошел вполне упакованным: живые деньги в банке, апартаменты в Турции с собственным бассейном, коттедж в Подмосковье. Архитектура – барская усадьба: центральная часть и два крыла по бокам. Колонны как у Большого театра. В правом крыле – родители, в левом – дети. На тот случай, если приедут из Америки. Середина общая. В углу усадьбы дом для прислуги.

Анна Андреевна любила свою дачу. Тишина. Красота. Впереди маячила счастливая старость. Старость – тоже довольно длинный кусок. Его желательно прожить хорошо, в обнимку с покоем и достатком. Анна Андреевна осознавала два жизненных просчета: не выучила английский язык, без которого вылезли большие ограничения, и не научилась во-

дить машину, зависела от мужа.

Тучка бесился, так как зависимость жены напрямую ограничивала его свободу. Тучка был занят, и его шофер тоже имел свои нагрузки. Все кончилось тем, что Анна Андреевна стала вызывать такси. К ней приезжали машины из ближайшего таксопарка. За рулем, как правило, мусульмане – азербайджанцы, таджики и узбеки. Один узбек был с золотыми зубами, не знал русского языка, практически мычал. Это утомляло.

Грузин Георгий говорил хорошо, но брал дорого. Цены формировал по своему усмотрению. Он решил: бабка старая, ничего не соображает, денег – жопой ешь. А зачем ей деньги, все равно одной ногой в могиле. Но Георгий ошибался. Анна Андреевна умела считать деньги и не любила наглых. Каждый человек должен получать по труду, а не по аппетиту.

Третий шофер – русский, Колька. У него никогда не было наличных денег, и это его угнетало. Он постоянно находился в депрессии, бледный до желтизны. Случалось, плакал. Анна Андреевна, как врач, видела, что у него нервы – никуда. Тому была причина: воевал в Чечне. Мирная профессия шофера его угнетала. Воевать интереснее.

Анна Андреевна ему сочувствовала. Но делить его участь не собиралась. Всех не обогреешь. Она подозревала, что Колька – наркоша. В Чечне пристрастился. На войне без этого не выдержать. Должен быть какой-то наркоз.

Однажды Колька поделился:

– Мне нужно два миллиона долларов, я согласен сесть за кого-нибудь в тюрьму. У вас нет таких знакомых?

– Каких? – не поняла Анна Андреевна.

– Кого должны посадить, а он не хочет.

– На сколько лет?

– На десять.

– Ты согласен десять лет сидеть в тюрьме за какие-то бумажные деньги?

– А я через два года выйду.

– Как это?

– По УДО. Условно-досрочное.

– Интересно, – удивилась Анна Андреевна.

– Это бизнес, – разъяснил Колька.

– Есть такой бизнес?

– А вы не знали?

– Откуда же мне знать? Я врач, а не уголовник.

– Вы – акулы империализма, а мы униженные и оскорбленные.

– Я всю жизнь работала как вол, жгла мозги, – уточнила Анна Андреевна.

– А я воевал, рисковал жизнью.

– А нечего тебе было делать в Чечне. Что ты там забыл?

– Меня послало государство.

– Вот с государства и спрашивай.

– А государству на нас плевать.

– Ему на всех плевать. Поэтому надо рассчитывать только на себя.

– А что же мне теперь делать? – растерялся Колька.

Анна Андреевна задумалась: что ему сказать? как утешить?

– Ты молодой мужик. Сексом занимаешься каждый день. А мне осталось жить два понедельника. Живая собака лучше дохлого льва.

– А собака кто? – не понял Колька. – Я?

– Ну не я же...

Вот и все утешение.

Четвертый шофер, Сабир, – просто счастье. Встретились случайно. Бог послал.

Москву знает, как свой карман, умеет находить самые короткие маршруты. Красивый, похож на артиста Машкова, но скромнее. Чувствуется, что у Машкова есть счет в банке, а у Сабира нет.

Однажды заехали на базар. Анне Андреевне надо было купить мясо и овощи. Сабир знал, у кого лучший товар, умело выбирал, сбивал цену. Руководил покупками, что-то советовал, что-то запрещал.

Анна Андреевна поняла, что Сабир прекрасный снабженец, ему можно поручать все хозяйственные покупки. Выберет лучшее и не обманет. А если и обманет, то чуть-чуть, не более десяти процентов от общей суммы. Это – чаевые,

а чаевые полагаются.

Постепенно Сабир стал домашним курьером: отвезти – привезти. Семен поручал ему документы, договоры, финансовые бумаги и даже живые деньги.

Анна Андреевна отдала Сабиру финскую дубленку мужа. Сабир преобразился. Многие принимали Сабира за хозяина, а Семена за шофера. Тучка не любил тяжелую дубленку, его вполне устраивал китайский пуховик.

Однажды Сабир привез Анну Андреевну в клинику на консилиум. Сопроводил в гардероб. В гардеробе им встрети-лась Любовь Павловна – та самая, с пристальным взглядом. Она протянула Сабиру руку и молвила:

– Очень приятно. Вы муж Анны Андреевны? Я давно хо-тела с вами познакомиться.

– Какой муж? Ку-ку... – отозвалась Анна Андреевна. – Мне семьдесят, а ему сорок. Ты что, не видишь?

Любовь Павловна, конечно, видела, но мало ли что... Все может быть.

Сабир стоял невозмутимый, с никаким выражением, как будто речь не о нем.

Анна Андреевна уходила на консилиум. Сабир терпели-во ждал ее в машине. Читал газеты, слушал по приемнику последние известия, включал свою мусульманскую музыку, которая была гораздо красивее, чем русские мотивы.

Когда хозяйка задерживалась, доставал термос и бутер-броды плюс зелень. На его родине, в Самарканде, к столу

всегда была зелень и никогда – мороженое мясо. Только парное. Он и сейчас не покупал в магазине колбасу, пельмени. Отваривал кусок баранины и тонко резал. Клад на хлеб вместо колбасы. Пил в основном зеленый чай. Аллах не приветствовал алкоголь, да и какой алкоголь за рулем?

В Сабире две крови – таджик и узбек. Казалось бы, рядом территориально, а ничего общего. Таджики – арийцы, говорят на фарси. А узбекский язык относится к тюркской группе.

В результате этой смеси Сабир оказался похож на цыгана, но русским было совершенно все равно: кто он, Сабир? Для них все гастарбайтеры на одно лицо и имели общее обозначение: «чурка».

Сабир не обращал внимания на дискриминацию. У него свои задачи: заработать деньги на учебу старшей дочери. Дочь Дина хотела стать врачом, а для поступления в медицинский требовалась большая взятка. Значит, он должен обеспечить поступление, заработать на взятку. И он зарабатывает. У Дины должна быть интересная жизнь. А жить интересно – это значит заниматься любимым делом.

В мусульманском мире женщина должна принадлежать только семье. Рожали по десять человек – и вперед. Иначе, как рабство, такую жизнь не назовешь.

Сейчас женщины Востока стали тяготеть к Западу, а именно: любимый труд, собственный выбор.

В родном городе Самарканде всегда тепло, солнце. А

здесь, в Москве, – холод, слякоть, серый короткий день. В Самарканде лучше. Но работы – нуль. Можно, конечно, найти какое-то дело за копейки, но кому охота работать задарма?

Сабир мечтал разводить каракулевых овец, однако нужен начальный капитал. А его нет. И взять негде. Жена Румия из бедной семьи. Сабир женился не по расчету, а по чистой любви. И это большая ошибка. Любовь проходит, а расчет остается. Последнее время Румия уклонялась от супружеских обязанностей. У нее внутри, в женском отсеке, все время что-то болело. В Москву с мужем не поехала. И правильно. Зачем тащить женщину в тяжелые условия, как на войну? Пусть остается дома.

В Самарканде солнце круглый год. Лазуревый купол мечети приманивает туристов. С утра до вечера толкуются иностранцы всех мастей: японцы – все сплошь пожилые, шустрые, молодежавшие, немцы – организованные, жизнерадостные, в бежевых панамках.

Дом, оставленный в солнечном Самарканде, казался покинутым раем. Там все лучше: еда, вода, погода, экология, соседи. Здесь Сабир – второй сорт, даже третий. Чурка. Снял с напарником однокомнатную квартиру в блочной пятиэтажке. Вся квартира – тридцать метров. Уборная по фигуре. Сабир в ней помещается, а напарнику приходится втискивать себя между стен.

Сабир целыми днями крутил баранку, уставал, спина от-

валивалась. Пассажиры – жлобы. Расплачивались копейка в копейку. А иногда недодавали. Нету. А на нет и суда нет.

Последнее время ему повезло. Попались хорошие люди: старик и старуха.

Старуха Анна Андреевна совершенно не похожа на восточных старух. Никакой мудрости, никакой внутренней тишины. Одевалась в яркие одежды. Ее любимый цвет – лазуревый, как купол мечети. Красила волосы, чего никогда не делают ее ровесницы на Востоке. Громко хохотала, обижалась, любила сладкое, часами сплетничала по телефону, сидя в машине на заднем сиденье. Была недоверчива и подозрительна. Все у нее воры, и все хотят ее обокрасть. Она часто казалась Сабиру не взрослой, умудренной жизнью, а большим ребенком. Детство как будто застряло в ней и не выветрилось.

Это нравилось и не нравилось. Какое детство в семьдесят лет? Но было одно качество, которое Сабир уважал. Старуха – хороший врач. У нее почетных дипломов – целая стена. Когда она занималась своим основным делом (лечила и консультировала), включался ум, мудрость и сочувствие к людям. Становилось заметно, что основа ее жизни – самоотдача. Такое же будущее Сабир строил для Дины. Ради этого будущего он кинул себя в тягостное настоящее. Старуха – маяк в ночи: обеспеченная, самодостаточная, уважаемая людьми. Такие человеческие экземпляры должны жить долго, потому что от них много пользы. Сплошная польза. А от других –

либо вред, либо нуль.

Анну Андреевну часто звали в гости. Ей было неудобно заставлять Сабирu ждать на улице по несколько часов. Ничего не случится, если он посидит за столом. Анна Андреевна стала брать его с собой.

Сабир первое время сопротивлялся, потом привык. И в самом деле: пребывать за столом несравненно приятнее, чем сидеть в тесной холодной машине. Пить он не мог, но закусывать – почему бы нет? Это полезнее, чем жевать бутерброд всухомятку.

Гости пристально поглядывали на Сабирu. Не любовник ли? Разница лет тридцать, не меньше. Но сейчас это модно. А почему бы и нет? Почему эстрадной певице можно, а врачу-профессору нельзя?

Тучка тоже оценил новую ситуацию. В присутствии Сабирu можно было полностью насладиться застольем. Выпить в любых количествах. А иначе какой смысл ехать в гости или сидеть в ресторане и слушать необязательный бабий треп? Напиться – это релакс, отдых, расслабуха. Семен уставал на работе, ему необходимо было отключаться на что-то прямо противоположное его труду.

Рабочие пьют чуть ли не каждый день, но Семен никогда не делит их застолья. Необходима дистанция, иначе они сочтут начальника за своего, не будут подчиняться. Генерал ведь никогда не пьет с солдатами. Это было бы странно и

разрушительно для общего дела.

Анна Андреевна была мастер злословия, но Сабир легко прощал ей этот грех. Он видел, что старуха – добрая, доброта стояла у нее на лице: в глазах и губах.

Семен Григорьевич никого не осуждал, но и не одобрял. Его беспокоила только работа: заказы, сроки, инвесторы, комиссии, когда, куда, кому. Скучный человек, но конкретный. Однажды сказал Сабиру:

– Я хочу поменять машину. Помоги мне продать старую. Возьмешь себе двадцать процентов от продажи.

Старая машина – «вольво» пятилетней давности. Она стоит немалых денег, и двадцать процентов от продажи – хороший кусок. Можно сразу отослать в Самарканд семье. Им хватит на год.

Сабир предложил машину хозяину таксопарка Алику. Алик – азербайджанец, и, как звучит его настоящее имя, никто не знал. В миру он был Алик.

Алик тяжело, по-восточному любил деньги. Он тщательно следил, чтобы водители не эксплуатировали такси в личных целях, не возили девок, например, не сажали левых пассажиров. Он постоянно звонил по мобильному телефону и спрашивал:

– Ты где?

Имелось в виду: «ты где?» Алик давно жил в России, но

не мог правильно произносить слова «килограмм», «километр». У него получалось: «чилограмм», «чилومتر». Сабир подозревал, что в азербайджанском языке нет буквы «к».

Сабир предложил Алику «вольво».

– А сколько ты хочешь за эту таратайку? – спросил Алик.

Он специально унижал благородную «вольво», чтобы сбить цену. Таратайка не может стоить дорого.

Сабир не ответил. Дышал через нос. Ненавидел.

– Могу дать тысячу долларов, – назвал свою цену Алик.

– Засунь себе в зад, – отозвался Сабир.

Сабир вдруг почувствовал себя одиноким в этом мире лжи и алчности. Решил отказаться от продажи. Позвонил Семе, но Сема вдруг сказал:

– Не надо продавать. Забери себе.

– За сколько? – не понял Сабир.

– Дарю. У тебя когда день рождения?

– Уже прошел.

– Ну вот, тем более. Это тебе подарок.

Сабир помолчал и сказал:

– Это слишком дорогой подарок. Я того не стою.

– Ты стоишь большего! – завопила старуха в трубку. Видимо, стояла рядом.

Скорее всего, это была ее идея. Семену бы в голову не пришло дарить машину. Зачем? Стоит себе в гараже, есть не просит. Но Анна Андреевна учитывала интересы Сабира.

Сабир собственноручно вымыл машину, отдраил ее до

блеска, и она засверкала победным рябиновым цветом. На другой день Сабир выехал на работу на личной шикарной «вольво». Алик только лязгнул зубами.

Теперь Алик уже не преследовал Сабира вопросом «ты где?». Где хотел, там и находился. В таксопарк он только сдавал свой «план», а остальной прибылью распоряжался самостоятельно. Спасибо Анне Андреевне. Она умела отдавать ближнему процент от успеха. А успех у старухи был, несмотря на третий возраст. Ее приглашали в бывшие советские республики и даже в Европу. Постоянно требовалось где-то присутствовать, в чем-то участвовать.

Старуха любила путешествовать, менять картинку перед глазами. Она тщательно собирала чемодан. Сабир вез ее в аэропорт и встречал обратно.

Старуха была счастлива оттого, что вернулась. И все, что казалось надоевшим: дом, муж, жизнь, – вспыхивало новыми красками, как будто побывало в химчистке.

Анна Андреевна ехала в удобной машине, по бокам дороги текли берега Москвы. Она замечала, как изменился ее родной город, стал чистым и освещенным. Мегполис. И казалось, что впереди нескончаемая жизнь, как эта дорога, которую Сабир наматывал на колеса.

Из Америки пришло сообщение: умер Яша. Шерилин писала, что Яша выпал из окна, с семнадцатого этажа. Есть подозрение, что он прыгнул сам. А может, его выкинули. То

ли суицид, то ли криминал, то ли несчастный случай. Непонятно.

Шерилин высказала предположение: Яша занимался психоанализом, у него было много пациентов с раздвоением личности, это могло повлиять на психику врача.

Так или иначе, Шерилин кремировала тело, а пепел пересыпала в керамическую вазу и похоронила на своем участке. В углу. И ходит навещать могилу каждый день. Так что Яша – не один. Он присмотрен.

Анна Андреевна держала в руках траурный листок – кремовый, плотный – и ничего не чувствовала. Ее как будто выключили из розетки. В ней все остановилось.

Через какое-то время бесчувствие отпустило, и Анна Андреевна завывала, как волчица. Так было легче. С воем она исторгала из себя невыносимую боль, которая все прибывала и переполняла. Появилось страстное желание самой выбросить себя с большой высоты. Все прекратить в одночасье, не думать и не переживать.

Сема стиснул зубы с такой силой, что сломал мост в верхней челюсти. Пришлось нижней челюстью поддерживать верхнюю, для этого он выдвигал нижнюю челюсть вперед, становился похож на бульдога. Жевательная функция сохранилась, поэтому ко врачу Сема не торопился. Ему было все равно, как он выглядит.

Постепенно шторм утих. В доме Тучкевичей поселилась густая тишина. Жили грустно. Практически не жили. Суще-

ствовали как-то.

Сабир оказался единственной нитью, которая связывала их с внешним миром. Он закупал еду, готовил восточные кушанья: плов, шурпу, лагман. После этого отправлял грязные тарелки в посудомойку. Вечерами не уходил, оставался допоздна. Иногда ночевал. Какой смысл возвращаться к себе в съемную квартиру, если завтра опять к восьми утра приезжать к старикам?

Сема перестал водить машину. У него тряслись руки. Анна Андреевна понимала, что это начало Паркинсона. Стресс запускает самые неожиданные болезни.

Анна Андреевна не держала домработниц. Не доверяла. Прежде у нее уже работали молдаванки и хохлушки. Крали те и другие, без исключения. Они выживали любой ценой, как крысы.

Анна Андреевна заметила, что мыши крадут по чуть-чуть, ночью, и избегают людей – скромные маленькие грызуны. А крысы могут в любое время зайти на обеденный стол, взять то, что им нравится, и еще нагадить посреди стола. Умные и наглые. И с амбициями. Так и домработницы: делятся на крыс и мышей. В глубине души они все ненавидят хозяев, завидуют и не понимают: почему у хозяев – все, а у них – ничего. Чем они хуже?

Анна Андреевна, как правило, кидалась в дружбу, изо всех сил старалась скрасить их существование, но – тщетно.

Сколько волка ни корми, он в лес смотрит.

Домработницы знают, что отвечать не придется, а безнаказанность развязывает руки.

Обнаружив пропажу, Анна Андреевна приходила в бешенство. У нее поднималось давление, и лицо становилось красным. Она мучительно переносила разочарование в человечестве. Ей как будто плевали в душу.

Сабир – совсем другое дело. Мужчина. В его сердце есть и гордость, и прямая честь, как говорил поэт. Молодой и красивый. Вокруг него совершенно другое биополе. Это биополе чистит пространство. Возле него легче дышать.

Постепенно Яшина гибель ушла из каждого дня, опустилась в глубину сознания, как город Троя.

Этот город существовал со всеми своими кладками и фундаментами, и даже банями. Существовал, но не мешал. Уже можно было думать о чем-то еще, консультировать больных.

Ни с того ни с сего повадился звонить профессор Юрий Вениаминович. Он потерял зрение, не мог читать и смотреть телевизор. Развлекал себя телефонными звонками.

Как правило, он звонил не вовремя, но Анна Андреевна не могла его отшить. Она поймала себя на том, что профессора жалко.

Казалось бы, сколько он принес слез и унижения... Ничего не забылось, но большая любовь, которая когда-то жила в ее душе, не умерла окончательно. Анна Андреевна уходила

в свою комнату и подолгу разговаривала с профессором. И с удивлением обнаружила, что Юрий Вениаминович – умнейший человек, просвещенный во многих областях. Раньше они говорили только о своих отношениях, мужчина и женщина, инь и ян. И мимо них проплыла человеческая составляющая каждого. А ведь так много всего остального, кроме инь и ян. И сейчас они открывались друг другу по-новому.

– Ты боишься смерти? – спросила Анна Андреевна.

– Нет.

– Почему?

– Она ведь не только для меня придумана. Такой порядок жизни. Смерть – составляющая жизни. Дело житейское.

– Ты хотел бы жить долго?

– Ни в коем случае. Мне уже надоело. Я бы застрелился, но неудобно перед семьей. Будет неприятный осадок.

– А тебе-то что? – В Аниоте шевельнулась забытая ревность к его семье.

– Я никому не могу сказать «нет». Ни семье, ни Богу. Ты же меня знаешь...

Нет. Она его не знала. Инь и ян застили глаза. Но какое уже это имеет значение? Все опустилось в культурный слой – и любовь, и предательство.

Хорошее время – старость. Старость – как рама к картине. Обрамляет и ограничивает. И ничего не жаль.

Сема купил «мерседес».

Выбирали в салоне вместе с Сабиром. Сабир учитывал все мелочи.

Машина для мужчины – второе «я». А хорошая машина больше чем «я». Вернее, так: лучшая часть «я».

Первый раз Сема выехал в декабрьское утро. За рулем сидел Сабир. Шел крупный редкий снег. Сема включил любимый диск. Завопил Юрий Шевчук, и казалось, что он тоже радуется хорошей машине с мягким ходом и кожаными сиденьями.

Машина подъехала к зданию банка. Сема вышел и отсутствовал довольно долго.

Сабир вытащил диск, покрутил ручку приемника и нашел нужную волну с мусульманскими мотивами, так желанными его сердцу. В этой музыке сконцентрировалось все: родители и семья, покой и справедливость. Становилось легко и ясно.

Сема вышел из банка, но не один, а вместе с молодой женщиной – высокой и сверкающе красивой. Женщина проводила Сему до машины. Они заканчивали свой разговор. Сабир услышал слова: «проценты», «инструмент». Видимо, женщина – работник банка, и провожала Сему как уважаемого клиента.

– Знакомьтесь, – представил Сема. – Это Сабир.

Он не сказал «мой шофер». Назвал только имя и тем самым как бы приблизил к себе. «Шофер» – это услуга, а «Сабир» – друг, племянник, родственник.

Красивая женщина кивнула Сабиру уважительно. Сема

поцеловал ей руку и сел в машину.

Поехали. Сабир молчал, потрясенный. Он никогда не видел таких красавиц так близко от себя. Только в кино.

– Она предложила мне переложить деньги на срочный вклад, – поделился Сема. – Процент больше, но риск.

– Какой риск? – спросил Сабир.

– А вдруг я умру?

– Не надо приманивать плохое, – хмуро заметил Сабир.

Эта женщина испортила ему настроение. Как бы показала: где он и где она. Она – высоко, в денежных волнах, в тонких ароматах. А он, Сабир, за баранкой с утра до вечера, постоянная экономия средств, Румия с большими придатками, и никакого просвета впереди. Впереди – опять машина, дорога, тусклая Румия, рабская жизнь. Дети вырастут, но не отвалятся. Захочется им помочь. И опять двадцать пять, как белка в колесе. А эта женщина живет исключительно для того, чтобы украшать, и поражать, и будить мечту. Кажется, что у таких людей другие законы и другие правила бытия.

– А она тоже хочет? – мрачно спросил Сабир.

– Кто? – не понял Сема.

– Ну, вот эта... Банкирша.

– Что хочет?

– Мужчину.

– А-а... У нее двое детей. И муж. Значит, размножается.

А что?

Значит, тоже хочет. И отдается. И кто-то ее имеет и раз-

глядывает ее прелести.

Сабир обозлился и насупился.

– А я тоже воевал, – вдруг сказал Сабир.

– Когда? – не понял Сема.

– В Сумгаите. Азеров били.

– Ужас, – отреагировал Сема. – По тебе не скажешь.

Сабир придумал. Наврал зачем-то. Ему вдруг захотелось быть сильным и жестоким и насиловать таких, как банкирша. Быть хозяином жизни, а не батраком, наемным работником. Сабир дышал через нос. Ненавидел. Кого? Всех.

Сема не замечал его настроения. Думал о своем. Неожиданно сказал:

– Я хочу послать тебя в Турцию.

– Зачем? – удивился Сабир.

– У меня там апартаменты. Я хочу их продать.

– Апартаменты – это что? – не понял Сабир.

– Квартира. На берегу моря. Я купил за восемьдесят тысяч евро, готов продать за шестьдесят.

– А зачем продавать? Стоит, есть не просит.

– Вот именно что просит. Недвижимость надо содержать.

Мы платим коммунальные услуги, а сами не живем. За все время были два раза.

Сабиру вдруг мучительно захотелось в Турцию. Он засиделся, как в тюрьме. А тут – движуха, новая страна, новые люди.

– Продашь квартиру, возьмешь себе двадцать процентов

от продажи, – озвучил Сема.

Он всегда предлагал двадцать процентов. Десять – мало, тридцать процентов – много, а двадцать в самый раз. У Сабира в мозгу распустились розы. Райский сад. Он быстро сообразил: поступление в медицинский институт обеспечено, и еще останется. Можно будет открыть свой бизнес.

Заниматься овцами Сабир уже не хотел. И в Самарканд не хотел. Провинция. Подняться можно только в Москве.

Сабир возмечтал открыть свой таксопарк, как Алик. Купить несколько подержанных корейских машин, снять офис, нанять диспетчера и медсестру. И вперед к сияющим вершинам.

Сабир отправился в Турцию. Сема дал ему доверенность на продажу.

Сабиру несказанно повезло. Квартиру захотел купить рыжий голубоглазый турок, занимающий соседние апартаменты. Турку не хватало двух спален, он мечтал о расширении, так что Сабиру не пришлось далеко ходить.

Квартиру следовало переоформить, получить нужные документы. Потребовался переводчик, нотариус. Пришлось выдергивать из Москвы Сему. В Турции все строго. В конце концов дело было сделано. Сабир вернулся другим человеком. Анна Андреевна его не узнала: Сабир посвежел, оделся и отъелся. Лицо покрыто золотым загаром, любо-дорого смотреть.

– Людям идет благополучие, – заметила Анна Андреевна. – Ты стал похож на американского сенатора.

Двадцать процентов от продажи – довольно тонкая пачка, которую можно было уместить во внутреннем кармане куртки. Но Сабир не дурак, носить в карманах такую ценность. Он открыл в ближайшем банке валютный счет и положил под проценты. Процент – ничтожный, однако в плюс, а не в минус. И не в ноль, как если бы он спрятал деньги в доме.

Сема отправился в свой престижный банк, который находился в центре Москвы. Большому кораблю большое плавание.

Сема положил сумму на срочный вклад, присовокупил к уже имеющейся. Поехал обратно.

Неожиданно почувствовал нестерпимый звон в ушах. Повернул руль и поставил машину возле гостиницы «Пекин», в непопленном месте. Там нельзя было парковаться.

К машине резво подбежал пузатый мент в предвкушении навару: машина дорогая, значит, владелец с деньгами и не будет мелочиться.

Владелец сидел положив голову на руль. Должно быть, выпил. Штраф удваивался и даже утраивался, но водитель в переговоры не вступал. Он умер. Душа отлетела. Но не далеко. Она была еще в машине, и полицейский ее чувствовал.

Тягостно присутствовать при финише человеческой жизни: добежал, коснулся ленточки – и привет... Все вокруг как

прежде, а тебя нет и уже не будет нигде и никогда.

Полицейский снял фуражку. Снежинки падали и застревали в его волосах.

Анна Андреевна не выла, тихо плакала. Только после смерти она оценила мужа: настоящий мужчина – защитник, добытчик, любовник, а не уж на сковороде, каким был профессор Юрий Вениаминович.

На Кавказе за такое поведение мужчину убивают, и правильно делают.

Анна Андреевна попросила Сабира увеличить фотокарточку Семы, поставить в рамку. Получился портрет, на котором Сема, улыбаясь, держал перед собой большую пивную кружку темного стекла – такой живой и жизнелюбивый. Сема с портрета сопровождал Анну взглядом, куда бы она ни переместилась.

Так и жили вместе: Сема и Анна. Можно добавить: и Сабир, но именно добавить, как стекло поверх фотографии. Чужой человек – и есть чужой. На него невозможно заорать, оскорбить, упрекнуть. А иногда так хочется выпустить пар. Просто необходимо, тем более что Анна Андреевна – Скорпион, Скорпионы жалят, когда надо и не надо.

На Сабира легли похороны, поминки, девятый день, сороковой день, походы в загс за свидетельством о смерти. Но главная его забота – Анна Андреевна. Она стала пить и на-

пиваться. Заставляла покупать коньяк «Хеннесси», говорила, что коньяк расширяет сосуды.

Сабир не знал, что с ней делать. Он с удовольствием сдал бы ее на другие руки, но родственников – никого. Ни одного человека. Только внучка в Америке и невестка Шерилин в той же Америке. Но как их найти? Никак. Анна Андреевна не общалась с американской родней, и те, в свою очередь, не интересовались русскими родственниками, которых они никогда не видели. И вряд ли знали о смерти Семы. Откуда?

В один из дней Анна Андреевна грохнулась на ровном месте и сломала себе передний зуб. Пришлось везти ее в стоматологию и ждать там три часа.

В стоматологии ей выдрали еще три ни в чем не повинных зуба. И предложили поставить импланты плюс коронки из циркония. Общая стоимость – миллион рублей.

– Зачем такая дорогая инвестиция в такое прогоревшее мероприятие, как моя жизнь? – размышляла вслух Анна Андреевна.

– Сколько бы ни осталось, поживете с комфортом, – отвечал Сабир. – Зубы нужны человеку три раза в день.

При этом думал: «Кому достанется дом, деньги в банке, трехкомнатная квартира в Москве на улице Строителей?»

Последние десять лет Тучкевичи жили на даче, и московская квартира стояла брошенной, как забытый корабль. Они ее даже не навещали. Потеряли всякий интерес. После просторного особняка с панорамными окнами, среди деревьев

и неба, среди красоты и простора московский дом казался бомжатником. В таких блочных сотах обитает низшая форма жизни, которой все равно где жить.

С возрастом у Анны Андреевны стала слабеть память, то, что было давно, она помнила отчетливо, до мелочей. А короткая, ближняя память совершенно не держалась. Например, пойдет зачем-то на кухню, вдруг останавливается. Зачем пришла? Забыла. Вылетело из головы. Отправилась назад и вдруг вспомнила: а! нужны хозяйственные ножницы. Мозги работали, как «Яндекс». Включалась поисковая программа и выдавала результат. Мозг – биологический компьютер.

Особенно плохо дело обстояло с именами. Хорошо еще, что помнила свое имя.

Второе осложнение старости: портится характер. Переругалась со всеми подругами, кроме одной – Оксаны. А Ритка и Милка пошли под нож.

Ритка – необязательный человек. Пообещала и не сделала. Забыла. Как будто перднула. Все рассеялось без следа. Зачем обещать, спрашивается? Люди надеются, ждут, но на людей ей плевать с высокой колокольни. На день рождения приносит подарки по принципу: на тебе, боже, что мне не гоже. Христос велел отдавать десятину. Ритка за эту десятину задавится.

Вторая подруга, Милка, ни в чем не виновата. Просто

растолстела, задница сделалась промышленных размеров. Невозможно смотреть. Анна Андреевна тоже не набрала красоты со временем, но она себя не видела, особенно сзади. А Милку видела и уставала от тяжелого впечатления. Всякое уродство напрягает.

Анна Андреевна очистила пространство от подруг, ей хватало Сабира. Она ждала его с работы, не ужинала без него. Сабир старался нигде не задерживаться, спешил к Анне Андреевне. Ужинали вместе. Потом выходили на открытую террасу. Сидели молча. О чем говорить? А главное – зачем? Так много можно сказать без слов.

Небо всегда разное. И никогда не надоедает. Божье творчество. Не надо посещать выставки. Вот тебе самая прекрасная выставка – небо.

Каждый думал о своем.

Анна Андреевна была счастлива, что она – не одна. В ее душе не было тягостных пустот. Рядом – живой человек, состоящий из труда, благородства и молодости.

Женщины живут дольше мужчин. Природа заботится о женщинах больше, потому что на них главная задача – продолжение рода. Они нужнее. Многие подружки Анны Андреевны, потеряв мужа, завели кота. Кот лучше, чем ничего, но человек лучше, чем кот. Пусть не любовник, но платоническая любовь – это тоже любовь. Как правило, она более духовная, чем плотская, и дольше держится. Анна Андреевна зависела от Сабира, и эта зависимость была ему нужна. Са-

бир хотел быть нужным кому-то в этом жестоком и равнодушном городе. Старуха стала его семьей.

Время шло. Анна Андреевна поставила новые циркониевые зубы. Они были белые, как унитаз, и старили, как ни странно. Новые зубы в старых губах. Анне Андреевне зубы нравились, поскольку ей было гораздо удобнее жевать.

Однажды за ужином она произнесла:

– Лучше пару лет недожить, чем пережить.

– Как? – переспросил Сабир.

– Лучше умереть на два года раньше, чем на два года позже.

– Не надо приманивать плохое...

– Приманивай – не приманивай, а дорога все равно в одну сторону.

Сабир был на середине жизни, и ему казалось, что он вечен.

– Надо найти Дженну, – продолжала Анна Андреевна.

– Кого? – не понял Сабир.

– Американскую внучку. Я хочу перевести на нее все, что у меня есть. Деньги и недвижимость.

Сабир проглотил кусок мяса не жуя, как корова. Молчал. Глядел на свою хозяйку.

Анна Андреевна метнула в рот рюмку коньяку. У нее это ловко получалось.

– Тогда что я здесь делаю? – спросил Сабир.

– Здесь – это где? – не поняла Анна Андреевна.

– У вас дома. С вами.

– Ты здесь живешь.

– Я с утра до вечера занимаюсь вашими делами, вашими зубами, вашими документами...

Анна Андреевна не верила своим ушам. Ей казалось, что она благодетельница-матушка, а оказывается, она – нагрузка, гремучий прицеп.

– Что ты хочешь? – спросила Анна Андреевна.

– Я хочу, чтобы вы переписали на меня вашу московскую квартиру.

– Ты знаешь, сколько стоит квартира в Москве? – поинтересовалась Анна Андреевна.

– А зачем она вам? Вы ее все равно с собой не возьмете, и за вами не понесут.

Анна Андреевна протрезвела. Она думала, что Сабир – наивный, бескорыстный сын степей. А оказывается, он степной волк, расчетливый и хищный. Но ничего. С волками жить – по-волчьи выть.

– Я подумаю, – сухо сказала Анна Андреевна.

– Сколько? – уточнил Сабир.

– Полгода.

– Хорошо, – согласился Сабир.

– А потом что? – уточнила Анна Андреевна.

– А потом я от вас уйду.

– Куда?

– В свою жизнь.

– У меня комфорт, а в твоей жизни – нищета и достоинство. Разве тебе здесь плохо?

– Не плохо, – согласился Сабир. – Но мы живем на разных скоростях.

Сабир ответил как шофер. Действительно, старики живут на одних скоростях, а молодые на других.

У Анны Андреевны пропал аппетит. Она встала из-за стола и ушла в свою комнату. Включила телевизор. Шла передача «Пусть говорят». Анна Андреевна не слушала. Пришло осознание реальности. Что есть ее жизнь? Полное одиночество. Пустыня с песком. Миражи. И Сабир – тоже мираж.

И даже кот Барсик живет с ней на разных скоростях: ночью гуляет, днем спит. В доме только жрет и сыт. И наглая морда, никакой благодарности. И вся прошедшая жизнь кажется миражом. Как будто и не жила.

Дом, как куполом, накрыло напряженное ожидание. Анна Андреевна взвешивала все за и против. Сабир выжидал.

Он по-прежнему закупал продукты, но к ужину являлся не всегда. Анна Андреевна не могла есть одна и часто вообще не ужинала. Обходилась бутербродами.

В доме стали появляться отвергнутые подруги Ритка и Милка. Анна Андреевна приглашала их для консилиума.

Подруги крутили пальцем у виска, намекая на то, что старуха выжила из ума. Всё их поколение, в том числе Анна

Андреевна и Сема, пахали всю жизнь, зарабатывали, собирали по крохам свое благосостояние. И что теперь? Отдать все чужому человеку, хитрожопому чурке?

– При живой внучке, – напоминала Милка.

– А где она, эта внучка? – вопрошала Анна Андреевна. – Хоть бы когда-нибудь позвонила, поинтересовалась. Я для нее как боярыня Морозова, исторический персонаж из Древней Руси.

– А почему именно Сабир? – удивлялась Ритка. – Найди себе домработницу, плати зарплату. Будешь ухоженна и не одна.

– Не переносу чужих в доме.

– А Сабир не чужой?

– Нет, не чужой. Я к нему привыкла.

– Если ты завещаешь ему всю свою недвижимость, он тебя убьет, – предупредила Милка.

– Не убьет.

– Почему?

– Он меня любит.

Подруги переглядывались со значением: Анна сбрендила, не иначе.

Приходила третья подруга, Оксана Дмитриевна. Начиналась новая волна обсуждений. Анна Андреевна приводила свои доводы:

– Дженна за океаном, десять часов на самолете, а я могу споткнуться и упасть на ровном месте, как уже было. И меня

некому поднять. Я так и буду валяться, пока Дженна не прилетит из Америки? А Сабир рядом. Живой человек. Если он уйдет, я останусь одна во всем доме, как брошенная собака.

– Но не отдавать же квартиру...

– А зачем она мне? Стоит и пылится.

Оксана Дмитриевна хотела сказать: «Отдай мне», но постеснялась.

Анна и Оксана дружили честно и счастливо, но, как говорится, дружба дружбой, а денежки врозь.

Подруги уходили. Анна Андреевна погружалась в анабиоз, как медведь в спячку.

Сабир, случалось, возвращался под утро. Это была отнюдь не личная жизнь, а длинные рейсы в другие города. Туда и обратно.

Анна Андреевна слышала, как в двери поворачивается ключ, и ее сердце вздрагивало от радости. Вернулся, слава тебе господи...

Как это важно, когда кто-то живет и дышит рядом с тобой.

Сабир осторожно передвигался, ступал мягко, как кот. Боялся разбудить. Тактичный человек.

Анна Андреевна отмечала, как мужественно и стоически сносил Сабир свою рабскую жизнь. Буквально совершал подвиг во имя семьи. Эта жизнь не имела ни конца ни края. А деньги, вырученные за квартиру, решили бы все его проблемы. Почему не помочь хорошему человеку? Лично ей квартира не нужна. Сема оставил в банке такую сумму, которой

хватит еще на сто лет. Анна Андреевна не черепаха, два века не проживет. Существует родная внучка, это так. Но какой толк в этом родстве? Их жизни текут в параллельных мирах и не пересекаются.

Америка – это параллельный мир, как океан. Что может быть общего у Анны Андреевны и кита?

Истекал установленный срок. Надо было принять решение. И Анна Андреевна его приняла.

– Я согласна, – сухо сказала она Сабиру.

При этом не предложила даже сесть. Просто бросила два слова по дороге в туалет: «Я согласна».

Сабир стоял перед холодильником, складывал в него молочные продукты: творог, сыр, сметану.

Услышав заветные два слова, он вздрогнул, как будто в него выстрелили.

Все это время Сабиру казалось, что он летит в самолете, терпящем бедствие. И вот самолет благополучно сел. Уф!

Пришла осень, сбросила с деревьев желтые крупные листья. Сабир сгребал листья в кучу, потом поджигал. Густой мутный дым устремлялся в небо.

Оксана Дмитриевна вышла на крыльцо покурить. Внимательно наблюдала за Сабиром.

Сабир поздоровался подобострастно. Он чувствовал, что эта носатая старуха, черная как цыганка, его не любит.

– Как здоровье? – дружелюбно спросил Сабир.

– Не притворяйся шлангом, – ответила «цыганка».

– Как это? – не понял Сабир.

– Ты змея, которая притворяется шлангом.

– Я не змея. Я все прямо говорю, – ответил Сабир. Он понял, о чем речь.

– Ты пользуешься безвыходным положением человека.

– Она сама так решила. Это ее решение.

– Она так решила, потому что ты ее припер к стене.

– Какой стене? Какой припер?

Сабир высоко поднял свои густые полукруглые брови: на что она намекает?

– Ладно, – махнула рукой Оксана Дмитриевна. Выбросила окурок.

На крыльце появилась Анна Андреевна. Оксана Дмитриевна перевела тему.

– Через год у тебя юбилей, – напомнила она. – Ты рада?

– Чему?

– Тому, что дожила.

– А что хорошего в старости? Никакого здоровья, никакой любви.

– Человек должен пройти свой путь до конца.

– Смотря в каком виде...

– В любом. Здесь жизнь, а там волновое состояние.

Старухи замолчали, глядя на костер, где тлели листья.

Были зеленые – красиво, потом стали желтые – тоже красиво, теперь горят. Кремация. Природа завершила свой

цикл.

– Юбилей справим, – бодро отозвался Сабир. – Плов сделаем, гостей позовем.

Продажа квартиры затянулась.

Риелтор Лида объяснила, что в стране кризис. У людей нет денег. Никто ничего не покупает, наоборот – продают и уезжают. Рынок стоит. Пришлось опустить цену на двадцать пять процентов. Потом еще на пять.

Длинное затишье.

И вдруг все покатилося, – легко и неожиданно быстро.

Покупателем оказалась молодая женщина с двумя детьми от разных браков. Тихая, одинокая, – откуда деньги? Но деньги были заплачены и переведены на счет Сабира.

Сабир стал жить как белый человек. У него появилась банковская карта.

Деньги не должны лежать мертвым грузом. Они должны работать.

Сабир приступил к воплощению своей мечты: собственный таксопарк. Он – хозяин, как Алик. Сабир приобрел шесть новых машин. Подержанные стоят дешевле, но потом все деньги уйдут на ремонт.

Понадобился офис, регистрация, штат. Все это трудно, когда нет денег. А с деньгами не трудно ничего. В стране действительно кризис, доллар вырос, рубль упал, и люди рады любому заработку.

Сабир легко набрал штат: диспетчер Таня, бухгалтер Николай Егорыч и медсестра Оля.

Таня сидела на телефоне, принимала заказы. Медсестра приходила к восьми утра, мерила водителям давление, проверяла на алкоголь, после чего выдавала путевки.

Бухгалтер Николай Егорыч – тихий пенсионер, свое дело знал. Сабир ему доверял. У Алика бухгалтера не было. Он сам себе бухгалтер, сам считал выручку. Его руки пахли деньгами.

Медсестра Оля – незамужняя, двадцатипятилетняя. Она планировала найти мужа среди водителей и явилась в боевом оперении: короткая юбка, рыжая челка, губы и ресницы накрашены в восемь слоев.

Оля не стала дожидаться, пока ее выберут, и выбрала сама: Сабира. Тому были две причины: начальник и молодой. И относительно свободный. Жена где-то в тьмутаракани не считается.

Сабир не сопротивлялся. Оля была не в его вкусе, но те, кто в его вкусе (женщина возле банка), – недоступны. К тому же Сабир был застенчив, не умел ухаживать, да и времени не было. А Олю судьба ему протянула как таблетку на ладонь. Остается положить в рот и запить водичкой. Сабир так и сделал. Он привел ее в съемную квартиру, когда была Колькина смена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.